

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

ЗАБОЛОЦКИЙ

*СПОЙ МНЕ,
ИВОЛГА...*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я к л а с с и к а

Эксклюзив: Русская классика

Николай Заболоцкий

Спой мне, иволга...

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Заболоцкий Н. А.

Спой мне, иволга... / Н. А. Заболоцкий — «ФТМ»,
«Издательство АСТ», — (Эксклюзив: Русская классика)

ISBN 978-5-17-157598-4

В этот сборник вошли произведения Заболоцкого, написанные им в разные периоды, – от юношеских, созданных еще под влиянием акмеизма, до поздних, сочиненных в последние годы и подытоживших весь жизненный и философский опыт поэта. В книгу включены хрестоматийные стихотворения «Зацелована, околдована...», «Не позволяй душе лениться» и романс «В этой роще березовой...», проникновенно исполненный Вячеславом Тихоновым в кинофильме «Доживем до понедельника».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-157598-4

© Заболоцкий Н. А.
© ФТМ
© Издательство АСТ

Содержание

Стихотворения	6
В этой роще березовой...	6
Небесная Севилья	8
Дуэль	9
Белая ночь	11
Море	13
Свадьба	14
Игра в снежки	16
Фокстрот	17
Поприщин	18
Руки	20
Змеи	22
Пролог	23
На даче	24
Осеннее утро	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николай Алексеевич Заболоцкий

Спой мне, иволга...

© Н.А. Заболоцкий, наследники, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Стихотворения

В этой роще березовой...

В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей, —
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.

Пролетев над поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,
Чтобы в свежести утренней,
Посетив человеческое жилище,
Целомудренно бедной заутренней
Встретить утро мое.

Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы,
Белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?

Окруженная взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.

За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет.

И тогда в моем сердце разорванном

Голос твой запоем.
И над рощей березовой,
Над березовой рощей моей,
Где лавиною розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей божественной
Холодеет кусочек цветка, —
Встанет утро победы торжественной
На века.

1946

Небесная Севилья

Стынет месяцево ворчанье
В небесной Севилье.
Я сегодня – профессор отчаянья —
Укрепился на звездном шпиле.
И на самой нежной волынке
Вывожу ритурнель небесный,
И дрожат мои ботинки
На блестящей крыше звездной.

В небесной Севилье
Растворяется рама
И выходит белая лилия,
Звездная Дама,
Говорит: профессор, милый,
Я сегодня тоскую —
Кавалер мой, месяц стылый,
Променял меня на другую.

В небесной Севилье
Не тоска ли закинула сети.
Звездной Даме, лилии милой,
Не могу я ответить...
Стынет месяцево ворчанье.
Плачет Генрих внизу на гарце,
Отчего я, профессор отчаянья,
Не могу над собой смеяться?

1921

Дуэль

Петух возвышается стуком,
И падают воздуха вниз.
Но легким домашним наукам
Мы в этой глуши предались.
Матильда, чьей памяти краше
И выше мое житье,
Чья ручка играет, и машет,
И мысли пугливо метет,
Не надо! И ты, моя корка,
И ты, голенастый стакан,
Рассыпчатой скороговоркой
Припомни, как жил капитан,
Как музыкою батальонов
Вспоенный, сожженный дотла,
Он шел на коне вороненом,
В подзорный моргая кулак.
Я знаю – таков иноземный,
Заморский поставлен закон:
Он был обнаружен под Чесмой,
Потом в Петербург приведен.
На рауты у Виссарьона
Белинского или еще
С флакончиком одеколона
К Матильде он шел на расчет.
Мгновенное поле взмахнуло
Разостланной простыней,
И два гладкоствольные дула
На встречу сошлись предо мной.
Но чесменские карусели
Еще не забыл капитан,
И как канонады кудели
Летели за картой в стакан.
Другой – гейдельбергский малютка
С размахом волос по ушам —
Лазоревую незабудку
Новалиса чтил по ночам.
В те ночи, когда Страдивариус
Вздыхал по грифу ладонь,
Лицо его вдруг раздевалось,
Бросало одежды в огонь,
И лезли века из-под шкафа,
И, голову в пальцы зажав,
Он звал рукописного графа
И рвал коленкорный шарф,
Рыдал, о Матильде сучая,

И рюмки под крышей считая,
И перед собой представляя
Скрипучую Вертера ночь.
Был дождь.
Поднимались рассветы,
По крышам рвались облака,
С крыльца обходили кареты
И вязли в пустые снега, —
А два гладкоствольные дула,
Мгновенно срывая прицел,
Жемчужным огнем полыхнули,
И разом обои вздохнули,
С кровавою брызгой в лице.
Был чесменский выстрел навывлет,
Другой – гейдельбергский —
насквозь,
И что-то в оранжевом мыле
Дымилось и струйкой вилоось.
Пока за Матильдой бежали,
Покуда искали попа,
Два друга друг другу пожали
Ладони под кровью рубаш.
Наутро, позавтракав уткой,
Рассказывал в клубе корнет,
Что легкой пророс незабудкой
Остывший в дыму пистолет.
И, слушая вздор за окошком
И утку ладонью ловя,
Лакей виссарьоновский Прошка
Готовил обед для себя,
И, глядя на грохот пехоты
И звон отлетевших годин,
Склоняясь в кулак с позевотой,
Роняя страницы, Смирдин.

1926

Белая ночь

Гляди: не бал, не маскарад,
Здесь ночи ходят невпопад,
Здесь от вина неузнаваем,
Летает хохот попугаем.
Здесь возле каменных излучин
Бегут любовники толпой,
Один горяч, другой измучен,
А третий книзу головой.
Любовь стенает под листьями,
Она меняется местами,
То подойдет, то отойдет...
А музы любят круглый год.

Качалась Невка у перил,
Вдруг барабан заговорил —
Ракеты, выстроившись кругом,
Вставали в очередь. Потом
Они летели друг за другом,
Вертя бенгальским животом.
Качали кольцами деревья,
Спадали с факелов отрепья
Густого дыма. А на Невке
Не то сирены, не то девки,
Но нет, сирены, – на заре,
Все в синеватом серебре,
Холодноватые, но звали
Прижаться к палевым губам
И неподвижным, как медали.
Обман с мечтами пополам!

Я шел сквозь рощу. Ночь легла
Вдоль по траве, как мел бела.
Торчком кусты над нею встали
В ножнах из разноцветной стали,
И тосковали соловьи
Верхом на веточке. Казалось,
Они испытывали жалость,
Как неспособные к любви.

А там, вдали, где желтый бакен
Подкарауливал шутих,
На корточках привстал Елагин,
Ополоснулся и затих:
Он в этот раз накрыл двоих.
Вертя винтом, бежал моторчик

С музыкой томной по бортам.
К нему навстречу, рожи скорчив,
Несутся лодки тут и там.
Он их толкнет – они бежать.
Бегут, бегут, потом опять
Идут, задорные, навстречу.
Он им кричит: «Я искалечу!»
Они уверены, что нет...

И всюду сумасшедший бред.
Листами сонными колышим,
Он льется в окна, липнет к крышам,
Вздывает дыбом волоса...
И ночь, подобно самозванке,
Открыв молочные глаза,
Качается в спиртовой банке
И просится на небеса.

1926

Море

Вставали горы старины,
Война вставала. Вкруг войны
Скрипя, летели валуны,
Сиянием окружены.
Чернело море в пароход,
И волны на его дорожке,
Как бы серебряные ложки,
Стучали. Как слепые кошки,
Мерцая около бортов,
Бесились весело. Из ртов,
Из черных ртов у них стекал
Поток горячего стекла,
Стекал и падал, надувался,
Качался, брызгал, упал,
Навстречу поднимался вал,
И шторм кружился в буйном вальсе
И в пароход кричал: «Попался!
Ага, попался!» Или: «Ну-с,
Вытаскивай из трюма груз!»
Из трусости или забавы
Прожектор волны надавил,
И, точно каменные бабы,
Они ослепли. Ветер был
Все осторожней, тише к флагу,
И флаг трещал, как бы бумага
Надорванная. Шторм упал,
И вышел месяц наконец,
Скользнул сияньем между палуб,
И мокрый глянец лег погреться
У труб. На волнах шел румянец,
Зеленоватый от руля,
Губами плотно шевеля...

1926

Свадьба

Сквозь окна хлещет длинный луч,
Могучий дом стоит во мраке.
Огонь раскинулся, горюч,
Сверкая в каменной рубахе.
Из кухни пышет дивным жаром.
Как золотые битюги,
Сегодня зреют там недаром
Ковриги, бабы, пироги.
Там кулебяка из кокетства
Сияет сердцем бытия.
Над нею прокликает детство
Цыпленок, синий от мытья.
Он глазки детские закрыл,
Наморщил разноцветный лобик
И тельце сонное сложил
В фаянсовый столовый гробик.
Над ним не поп ревел обедню,
Махая по ветру крестом,
Ему кукушка не певала
Коварной песенки своей:
Он был закован в звон капусты,
Он был томатами одет,
Над ним, как крестик, опускался
На тонкой ножке сельдерей.
Так он почил в расцвете дней,
Ничтожный карлик средь людей.

Часы гремят. Настала ночь.
В столовой пир горяч и пылок.
Графину винному невмочь
Расправить огненный затылок.
Мясистых баб большая стая
Сидит вокруг, пером блистая,
И лысый венчик горностая
Венчает груди, ожирев
В поту столетних королев.
Они едят густые сласти,
Хрипят в неутоленной страсти
И, распуская животы,
В тарелки жмутся и цветы.
Прямые лысые мужья
Сидят, как выстрел из ружья,
Едва вытягивая шеи
Сквозь мяса жирные траншеи.
И пробиваясь сквозь хрусталь

Многообразно однозвучный,
Как сон земли благополучной,
Парит на крылышках мораль.

О пташка божья, где твой стыд?
И что к твоей прибавит чести
Жених, приделанный к невесте
И позабывший звон копыт?
Его лицо передвижное
Еще хранит следы венца,
Кольцо на пальце золотое
Сверкает с видом удальца,
И поп, свидетель всех ночей,
Раскинув бороду забралом,
Сидит, как башня, перед балом
С большой гитарой на плече.

Так бей, гитара! Шире круг!
Ревут бокалы пудовые.
И вздрогнул поп, завыл и вдруг
Ударил в струны золотые.
И под железный гром гитары
Подняв последний свой бокал,
Несутся бешеные пары
В нагие пропасти зеркал.
И вслед за ними по засадам,
Ополоумев от вытья,
Огромный дом, виляя задом,
Летит в пространство бытия.
А там – молчанья грозный сон,
Седые полчища заводов,
И над становьями народов —
Труда и творчества закон.

1928

Игра в снежки

В снегу кипит большая драка.
Как легкий бог, летит собака.
Мальчишка бьет врага в живот.
На елке тетерев живет.
Уж ледяные свищут бомбы.
Уж вечер. В зареве снега.
В сугробах роя катакомбы,
Мальчишки лезут на врага.
Один, задрал кривые ноги,
Скатился с горки, а другой
Воткнулся в снег, а двое новых,
Мохнатых, скорченных, багровых,
Сцепились вместе, бьются враз,
Но деревянный ножик спас.

Закат погас. И день остановился.
И великаном подошел шершавый конь.
Мужик огромной тушей своей
Сидел в стропилах крашенных саней,
И в медной трубке огонек дымился.

Бой кончился. Мужик не шевелился.

1928

Фокстрот

В ботинках кожи голубой,
В носках блистательного франта,
Парит по воздуху герой
В дыму гавайского джаз-банда.
Внизу – бокалов воркотня,
Внизу – ни ночи нет, ни дня,
Внизу – на выступе оркестра,
Как жрец, качается маэстро.
Он бьет рукой по животу,
Он машет палкой в пустоту,
И легких галстуков извилина
На грудь картонную пришпилена.

Ура! Ура! Герой парит —
Гавайский фокус над Невою!
А бал ревет, а бал гремит,
Качая бледною толпою.
А бал гремит, единорог,
И бабы выставили в пляске
У перекрестка гладких ног
Чижа на розовой подвязке.
Смеется чиж – гляди, гляди!
Но бабы дальше ускакали,
И медным лесом впереди
Гудит фокстрот на пьедестале.

И, так играя, человек
Родил в последнюю минуту
Прекраснейшего из калек —
Женоподобного Иуду.
Не тронь его и не буди,
Не пригодится он для дела —
С цыплячьим знаком на груди
Росток болезненного тела.
А там, над бедною землей,
Во славу винам и кларнетам
Парит по воздуху герой,
Стреляя в небо пистолетом.

1928

Поприщин

Когда замерзают дороги
И ветер шатает кресты,
Безумными пальцами Гоголь
Выводит горбатые сны.
И вот, костеня от стужи,
От непобедимой тоски,
Качается каменный ужас,
А ветер стреляет в виски,
А ветер крылатку срывает.
Взрывает седые снега
И вдруг, по суставам спадая,
Ложится – покорный – к ногам.
Откуда такое величье?
И вот уж не демон, а тот —
Бровями взлетает Поприщин,
Лицо поднимает вперед.
Крутись в департаментах, ветер,
Разбрызгивай перья в поток,
Раскрыв перламутровый веер,
Испания встанет у ног.
Лиловой червонной мантилей
Взмахнет на родные поля,
И шумная выйдет Севилья
Встречать своего короля.
А он – исхудалый и тонкий,
В сиянье страдальческих глаз,
Поднимется...
...Снова потемки,
Кровать, сторожа, матрас,
Рубаха под мышками режет,
Скулит, надрывается Меджи,
И брезжит в окошке рассвет.

Хлещи в департаментах, ветер,
Взметаю по проспекту снега,
Вали под сугробы карету
Сиятельного седока.
По окнам, колоннам, подъездам,
По аркам бетонных свай
Срывай генеральские звезды,
В сугробы мосты зарывай.
Он вытянул руки, несется.
Ревет в ледяную трубу,
За ним снеговые уродцы,
Свернувшись, по крышам бегут.

Хватаются
За колокольни,
Врываются
В колокола,
Ложатся в кирпичные бойни
И снова летят из угла
Туда, где в последней отваге,
Встречая слепой ураган, —
Качается в белой рубахе
И с мертвым лицом —
Фердинанд.

1928

Руки

Пером спокойным вам не передать,
Что чувствует сегодня сердце, роясь
В глубинах тела моего.
Стою один – опущенный по пояс
В большое горе. Горе, как вода,
Течет вокруг; как темная звезда —
Стоит над головой. Просторное, большое,
Оно отяготело навсегда, —
Большая темная вода.
Возьму крупичками разбросанное счастье,
Переломлю два лучика звезды,
У девушки лицо перецелую,
Переболею до конца искусство,
Всегда один, – я сохраню мою
Простую жизнь. Но почему она,
Она меня переболеть не хочет?
И каждый час, и каждый миг
Сознания открывается родник:
У жизни два крыла, и каждое из них
Едва касается трудов моих.
Они летят – распахнуты, далече,
Ночуют на холодных площадях,
Наутро бьются в окна учреждений,
В заводские летают корпуса, —
И вот – теплом обвеянные лица
Готовы на работе слиться.
Мне кажется тогда:
Какая жизнь!
И неужели это так и нужно,
Чтоб в отдаленье жил писатель
И вечно неудобный, как ребенок?
Я говорю себе: не может быть,
И должен я совсем иначе жить.
Не может быть!
И жарок лёт минут,
И длится ожиданье,
И тонкие часы поют,
И вечер опустился на ладони,
И вот я увидал большие руки —
Они росли всегда со мной,
Чуть розоватые и выпуклые, и в морщинках,
И в узелочках жил, – сейчас они тверды,
Напряжены едва заметной дрожью,
Они спокойные и просятся к труду.
Я руки положу на подоконник —

Они спокойнее и тише станут,
Их ночью звезды обольют,
К ним утром зори прикоснутся,
Согреет кожу трудовое солнце,
Ну, а сейчас...
Сейчас пускай дрожат, —
Им все равно за мыслью не угнаться,
Она растрескалась, летит, изнемогая,
И все-таки еще твердит:
Простая,
Совсем простая – наша жизнь!

1928

Змеи

Лес качается, прохладен,
Тут же разные цветы,
И тела блестящих гадин
Меж камнями завиты.
Солнце жаркое, простое,
Льет на них свое тепло.
Меж камней тела устроя,
Змеи гладки, как стекло.
Прошумит ли сверху птица
Или жук провоет смело,
Змеи спят, запрятав лица
В складках жареного тела.
И загадочны и бедны,
Спят они, открывши рот,
А сверху едва заметно
Время в воздухе плывет.
Год проходит, два проходит,
Три проходит. Наконец
Человек тела находит —
Сна тяжелый образец.
Для чего они? Откуда?
Оправдать ли их умом?
Но прекрасных тварей груда
Спит, разбросана кругом.
И уйдет мудрец, задумчив,
И живет, как нелюдим,
И природа, вмиг наскучив,
Как тюрьма стоит над ним.

1929

Пролог

Нехороший, но красивый,
Это кто глядит на нас?
То мужик неторопливый
Сквозь очки уставил глаз.
Белых житниц отделенья
Поднимались в отдаленье,
Сквозь окошко хлеб глядел,
В загородке конь сидел.
Тут природа вся валялась
В страшно диком беспорядке:
Кой-где дерево шаталось,
Там реки струилась прядка.
Тут стояли две-три хаты
Над безумным ручейком.
Идет медведь продолговатый
Как-то поздно вечерком.
А над ним, на небе тихом,
Безобразный и большой,
Журавель летает с гиком,
Потрясая головой.
Из клюва развивался свиток,
Где было сказано: Убыток
Дают трехпольные труды.
Мужик гладил конец бороды.

1929

На даче

Вижу около постройки
Древо радости – орех.
Дым, подобно белой тройке,
Скачет в облако навверх.
Вижу дачи деревянной
Деревенские столбы.
Белый, серый, оловянный
Дым выходит из трубы.
Вижу – ты, по воле мужа
С животом, подобным тазу,
Ходишь, зла и неуклюжа,
И подходишь к тарантасу,
В тарантасе тройка алых
Чернокудых лошадей.
Рядом дядя на цимбалах
Тешит праздничных людей.
Гей, ямщик! С тобою мама,
Да в селе высокий доктор.
Полетела тройка прямо
По дороге очень мокрой.
Мама стонет, дядя гонит,
Дядя давит лошадей,
И младенец, плача, тонет
Посреди больших кровей.
Пуповину отгрызала
Мама зубом золотым.
Тройка бешеная стала,
Коренник упал. Как дым,
Словно дым, клубилась степь,
Ночь сидела на холме.
Дядя ел чугунный хлеб,
Развалившись на траве.
А в далекой даче дети
Пели, бегая в крокете,
И ликуя, и шутя,
Легким шариком вертя.
И цыганка молодая,
Встав над ними, как божок,
Предлагала, завывая,
Ассирийский пирожок.

1929

Осеннее утро

Обрываются речи влюбленных,
Улетает последний скворец.
Целый день осыпаются с кленов
Силуэты багровых сердец.

Что ты, осень, наделала с нами!
В красном золоте стынет земля.
Пламя скорби свистит под ногами,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.